

В мгновение ока, пережив всплеск эмоций, он поднял голову и неспешно начал снимать свои тяжёлые аксессуары, мягко произнеся:

— Почему третий господин так сердится и начал перебирать старое? Великую доброту третьего господина Цунсюэ не посмеет забыть всю жизнь, только вот, не забыл ли третий господин, какой день будет через пять дней?

В отличие от Ци Цунсюэ, он не стал прямо отказываться и не выказал своего отвращения к сближению президента с Дуньинами. Это не дало третьему господину возможности окончательно сбросить маску благородства и использовать зависимость как угрозу.

Третий господин задумался, пытаясь вспомнить:

— Что будет через пять дней?

— Память у третьего господина, правда, удивительная: раньше ничего не забывал, а сейчас из-за того, что президент пригласил нескольких дуньинцев выпить, придаёте этому такое значение. — Ци Цунсюэ произнёс это с лёгкой насмешкой. — Разве через пять дней не время, когда Армия Бэйнин вернётся с победой? Год назад вы ради Цунсюэ обидели сына командующего Суна, ведь не пообещали ли тогда, что когда командующий Сун вернётся победителем, Цунсюэ споёт для военных Армии Бэйнин, чтобы старик успокоился?

Третий господин вздрогнул. Точно, Армия Бэйнин!

Соглашение президента с Дуньином уже было практически неизбежным, и участие Ци Цунсюэ стало бы лишь приятным дополнением. Однако, к сожалению, инициаторами этого соглашения были не третий господин, а правая рука президента Ин Тяньлай и его однокурсник, учившийся в Дуньине. Из-за особой важности договора обе стороны держали его в секрете, и третий господин узнал о нём, когда всё уже было решено. Чтобы укрепить своё положение, которое начало колебаться из-за его долгого отсутствия в Дуньине, он решил отдать Ци Цунсюэ, которого так долго лелеял, чтобы угодить двум генералам. Однако он понимал, что актёр вряд ли сможет существенно повлиять на его положение между президентом и Дуньином.

Но если он сможет через Ци Цунсюэ наладить связи с командующим Суном из Армии Бэйнин, человеком, который беспокоил президента, но которого он был вынужден терпеть, то его положение значительно укрепится.

Эта мысль заставила третьего господина быстро пересмотреть свои планы. Он без колебаний отбросил ранее важное соглашение на пять дней и начал думать, как лучше подойти к Армии Бэйнин.

Хань Сю, наблюдая за его задумчивым выражением в зеркале, с лёгкой усмешкой произнёс:

— Во всём нужно соблюдать очерёдность и договариваться, это дело уже несколько дней обсуждается в газетах и по радио. Как, никто не говорил третьему господину об этом?

С лёгким сарказмом он бросил камень в огород подручных третьего господина, которые были настоящими предателями. Хань Сю смотрел на своё отражение, которое постепенно принимало прежний облик, и, даже с его точки зрения, оно выглядело весьма привлекательно. Он встал, потянулся и, лёгкой походкой направившись к шкафу, достал длинный сине-зелёный халат. После небольшой подготовки он превратился в опрятного, изящного и красивого мужчину. Только коротко подстриженные волосы вызвали у него некоторое неудобство, но, вспомнив, что это было частью борьбы с устаревшими традициями, он решил, что это всё же

лучше, чем косичка времён Цин.

Третий господин, услышав это, внутренне напрягся. Его дела были тайными, и он был крайне подозрителен. Зная, что Ци Цунсюэ полностью поглощён театром и не способен на интриги, он сразу же заподозрил нескольких людей.

Ощущая внутренние и внешние угрозы, третий господин пожалел о своих резких словах. Очнувшись, он заметил, что Ци Цунсюэ уже собрался уходить, его лицо было бесстрастным, и он понимал, что это была реакция на его слова. Он поспешил подойти с улыбкой.

Подойдя ближе, он на мгновение застыл — почему Ци Цунсюэ выглядел ещё красивее, чем раньше?

Третий господин не был человеком, который легко поддавался внешней привлекательности. Он выделял Ци Цунсюэ только потому, что его внешность, фигура и голос могли покорить столичных любителей театра. Именно поэтому он его защищал, чтобы в нужный момент получить хорошую прибыль.

Так что это не было «спасением красавицы» от обидчиков, просто цена не была достаточно высокой.

Хань Сю и поздний Ци Цунсюэ хорошо понимали это, и третий господин тоже знал, кто он на самом деле. Поэтому, оправившись от первого впечатления, он только обрадовался — чем лучше был «товар» Ци Цунсюэ, тем больше он мог за него выручить, и это не могло не радовать.

Эта мысль сделала его улыбку ещё искреннее:

— Что, А Сюэ, обиделся? Эх, я это сгоряча сказал, язык без костей, А Сюэ не принимай близко к сердцу... Это, А Сюэ прав, во всём нужно соблюдать очерёдность и договариваться — это правильный путь. Давай так: я распоряжусь, ты продолжай петь свои оперы, а встречу через пять дней я за тебя откажусь.

Даже в последний момент он не забыл приписать себе заслуги.

Хань Сю с лёгкой улыбкой, хотя всё ещё немного искусственной, но уже более дружелюбной, ответил:

— Это действительно затруднит третьего господина.

Третий господин знал, что с момента, как Ци Цунсюэ стал знаменитым, его окружали поклонники, и, несмотря на некоторые трудности, благодаря его усилиям всё обошлось. Поэтому он не обращал внимания на его колкости и продолжал улыбаться:

— Сейчас ещё рано, может, ко мне зайдёшь, развеёмся?

— Нет. — Хань Сю внутренне усмехнулся, понимая, что под «развлечением» подразумевается курение опиума, но внешне остался спокоен. — Дайте мне вещь, я сам дома справлюсь. В последнее время спектаклей слишком много, хочу пораньше лечь спать.

Третий господин, желая угодить ему, не стал настаивать. Даже после такого холодного отказа он решил, что это просто остатки обиды, и любезно проводил его до ворот театра, усадив в рикшу.

Однако, когда рикша начала удаляться, его лицо вдруг стало холодным.

Хотя он обычно выглядел добродушным и приветливым, сейчас его черты стали резкими, а глаза — особенно мрачными.

Его доверенный слуга Ван Да подошёл, взглянул на его выражение и, следуя его взгляду, посмотрел на удаляющуюся рикшу. Он решил, что это просто ссора с любовником, и, хотя Ци Цунсюэ был знаменитым актёром, он всё же оставался представителем низшего сословия. Три года он держал своего господина на крючке, и это было уже достижением. Видя, что третий господин выглядит холоднее, чем когда-либо, он решил предложить:

— Господин, прикажите малому привести пару человек, чтобы проучить его?

Третий господин холодно посмотрел на него, заставив Ван Да почувствовать дрожь в затылке. Он уже пожалел о своей инициативе, но третий господин вдруг усмехнулся:

— Действительно, пора дать этой мелкой твари понять, кто её опора, чтобы она не целыми днями помыкала нами и капризничала. Только сейчас нельзя. Вот что: через несколько дней я скажу, что делать.

Этот неожиданный поворот заставил Ван Да вспотеть. Он не ожидал, что третий господин, который три года лелеял своего любимого актёра, действительно решит унижить его. Он с удивлением взглянул на третьего господина.

Этот взгляд заставил третьего господина вспомнить слова Ци Цунсюэ.

— Что? Мне, господину, нужно объяснять тебе, что делать? — прошипел он.

— Нет-нет! Угу! — Ван Да только хотел отрицать, но увидел, как третий господин дал знак кому-то за спиной. В следующее мгновение ему заткнули рот и потащили в тёмный переулок за театром.

Скоро оттуда перестали доноситься даже стоны.

Судя по жизненному пути актёра, все, должно быть, догадались, что сюжетная линия во времени будет в целом соответствовать реальной истории, разумеется, с изменением имён и так далее, вплоть до 1915 года. А в 1916 году, после смерти президента, его место займёт отец Тун Сюя, и тогда отношения между Севером и Югом смягчатся.

<http://bllate.org/book/17715/1655492>